

Лиса Зорова

Я не помню заката,
Я не помню огня и не помню цветных облаков.
изможденным оскалом под ногами звенит
материал для свинцовых оков.

Я в обители стен потолков и полов
провожаю свой удушливый век.
замок мой наречен родиной тех ветров,
холоднее что, северней нет.

если выйду ступив на свинцовую гладь,
мне не будет дороги домой:
день и ночь под окном кузнечовая рать
мне стучит по доске гробовой.

с нетерпением ждут, проливая слюну,
как ступлю Я в болото свинца:
след оставлю и мерку им подарю -
шип последний из терна венца.

плен мой холоден, сер и цепями скреплен,
примириться с ним мне не дано -
пролетают года сквозь хрусталь киноплёнок.
моя жизнь- как немое кино.

только мерзлая
сталь,
только липкая
грязь,
толщи пыли на бледных
цветах.
не играет уже седина
в волосах-
целиком я в металле
увяз.

распадается
мир,

рассыпается снег-
синяки на усталом челе.
спринт закончен давно:
победителей нет -
пленник я у себя в голове.

в городе Портленд вечно душно и сыро.
путешествия вниз никогда не проходят бесследно:
я хожу по воде и питаюсь кислотным дымом
и брюзжу беспрестанно, что нет денег на апартаменты.

не нашел Евридику, не сорвал я цветок чудесный,
за грехи не платил я распятие обгревая -
я бежал от подмосток - пугал меня зов небесный -,
я сновал по теням и мечтам, полным зыбкого мая.

я прошел сто миров и ни разу не обернулся,
окунулся в сто рек, из них каждую видел дважды.
если б только однажды во мне меценат проснулся,
я способен спасти был от гибели каждый.

проплывал сквозь страданья и кутался в плащ из страха,
поднимал воротник прикрывая глаза украдкой.
я - Ахилл, этот мир для меня - черепаха:
он ползет, я бегу задыхаясь в его порядке.

Заблудившийся времени ход для меня - привычка.
Я - убийца Сodomских римлян и Атлантиды.
В синем куполе звезды сгорают одна за другой поспично:
В темном Портленде нет и не будет детей Немезиды.

Каме. Человеку - не реке.

шипение скал иссякает впустую,
сметает прекрасные звездные слёзы:
сегодня весна обратится зимою -
легчайшей поступью восстанут морозы.

сегодня изменят свой бег электрички,
змеиными стаями вмиг притворяясь,
в темнеющих гнездах полустоличных
снегами белесыми отогреваясь.

и полночь сегодня настанет украдкой,
светило одно другим заменяя.
луна всех поэтов поит лихорадкой:
своим бледным светом доводит до края.

останется только вода неприступна.
стихая под гладью, замрет в исступленьи -
сегодня ей радость и смех недоступны:
она породила дитя преступлений.

побитых осколков сердца - в бесконечность.
спасайся, вселенна, грядут беспорядки.
сегодня на свет появилась беспечность,
она не таких клала на лопатки.

рим уж давно пропитался летом,
токио - дивной пряной весной.
я покидаю апартаменты,
чтобы не встретить здесь смерть с тобою.

я ускользаю по тропам скользким,
перебегаю сквозь перекрестки,
воздушные плетя движением хлестким
бьют по щекам и режут известкой.

ржавая кладка прогнивших зданий

вмиг остается осадком во взгляде.
я убегаю прочь от терзаний,
молча шипя растворяюсь в закате.

ступая вперед прохожу сантиметры -
шагая назад возвращаюсь ко старту.
все времена суть клочок сантиментов,
минуя январь подступаю к марту.

пьяные боги всегда драматичны:
плачут в углах кабаков и притонов.
они не просят ни свечки, ни спички,
бросают в сердцах в пламя бутоны.

кислотные слезы заявкой спасенья
смех вызывают в глазах у Фортуны.
легкая дрожь как конец сновиденья -
горькая жижа липкой микстуры.

я просыпаюсь от собственных криков,
в робкую ночь пялюсь с опаской:
хватит с меня богов и олимпов,
нет мне пути в ту безумную сказку.

перебегая с места на место,
день на миллениум меняя по курсу,
я обесценил каждое действие,
каждую цель разменял на ресурсы.

лето во сне пахнет юностью вечной,
длинным закатом, надеждой и болью.
я пережду во льду бесконечность,

чтобы не зреть своей тающей крови.

когда пылью подернутся клавиши
ярко-охристой зелени,
наполнят строки,
играючи
выграссируют шагами смелыми;
храбро поднимут головы,
выпрямят спины и плечи,
я осознаю -
все тщетно
и время ничуть не лечит.

когда зазвонят ручьи,
наполнившись почерком быстрым,
и разольются строфы
рвением бескорыстным,
воспрянет солнце
птицей
огромной полнозубастой,
тогда мир и боги поймут, какой
я для них
опасный.

когда я вдохну полной грудью и возведу при народе:

«вот я ваш бог всамделишный,
ваш бог из крови и плоти!»
тогда дробь зарядит снизу,
и тучами свет разразится.
не бойся снегов Персефона -
я вытку весну на спицах.

по вытленной коре земного мирозданья
ползут мурашки, обагрывая кровью:
грядет немое вечное преданье,
и нет следа растравленным покоем.

я слышу гул лесов и сбиты речи
семи миллионов птиц, зверей и кошек.
их дикий вой становится предтечью
агоний истекающих ладошек.

вовек проникнет боль меж жил усталых,
затянет выход темной пеленою -
не станет меры жизни, сумерек не станет:
останется лишь Он с тобою.

а Он летит, ладонью рассекая
глубокий воздух, пыль к себе вздымая,
Он рвет на осень едкий полдень мая,
сжирает бледносойковую стаю,

Он красит в цвет удушья первоцветы,
играя, проникает меж иголок,
в секунду проплывая километры,
кренит к земле в поклоне хвои елок.

Он - смерть и мрак и лапы сосен
возносит к небу ради развлечения,
он теплый свет возводит в точку «осень»
и прерывает ночью сновиденья.

с ним спорить бесполезно- он обманщик,
молчанья Асмодей, Аид удачи.
мир для него лишь пыль, туманы слов без сдачи
он возвращает, эхом передавши.

он простирает в небо черны крылья:
залез по локоть в сажу или в порох,
его клокотный клич есть мерное бессилье.
по куполу плывет бог ветра- черный ворон.

я совсем перестал тебя слышать, небо.
даже в темную полночь я здесь совершенно один:
мне не внемлют ни звезды, ни дым, ни кометы,
ни полуночный ворон- ветров господин.

я подумал сначала, что он тебя поглотил,
растерзал своим клювом и крыльями разметал.
на зубах его острых остались следы полутеплой плоти,
отделяющей небо от царства слепых зеркал.

я подумал, что он унес тебя в дикий мир,
где полуночницы кладут в колыбели крылатых детей,
где рождаются дар, поэзия и метель
развевает по пороху слов вдохновения эфир.

и я думал, что ты далеко от земли,
раз оставил меня одного, как злосчастный бог.
и я плакал, взывал к тебе и молил.
и лишь только потом осознал, что давно сам оглох.

Пушкину

роняешь бедро в обитель стекла-
холодную мелкую крошку.
снег распускает рук кружева,
врезается кровью в ладошки.

закончен роман- остывший взгляд глаз
уныло разменной монеты звенит металлом.
Атлант- ростовщик дольше всех видел мертвый газ,
заполнивший купол глухой
мерцающим звезд
опалом

ты знаешь,
забрала их Хела
зим сто миллионов назад;
и смотришь вверх недоверчивым мутным взором.
в глубокий колодец
кричишь имена невпопад,
сорвавшимся гласом пугая навеса узоры

постой, менестрель, посмотри на меня сквозь боль!
мы все - растворенные в толще земли астероиды.
лишь ты сквозь века освещаешь словесный строй -
настолько живой что тебе не дано быть мертвым.

ты - слов демиург,
хозяин волнительных строк,
ты - жизни творец,
портной судьбы нитей пьяных.
ты звонких небес вечный странник,

свободы пророк.

кто знает, быть может весь мир- то сон беспокойной Татьяны.

мой дом- громадный и скрипучий —

царапает небес огни.

он в едкий дым сбивает тучи,

зимой морозит полыньи.

я — бог всех колдунов и магов

и дьявол офисных вершин,

святой отец маркой бумаги

и «слов бесценных мот-транжир».

вся мощь моя, как в ящике пандоры,

скрывается за сжатым кулаком.

она осуществит восход мерцающей Авроры,

отпоит вдохновенья терпким коньяком,

она заставит трепетать искусно

перо у каждого поэта на земле,

она же оставляет мерзость послевкусья

похмелья творческого мне.

моим всесильным мановением

вращается планеты ось,

и я того одариваю тленьем,

кого судьбы (моя) коснется трость.

я извлекаю из подолов дам вальяжных

кролей бесчисленных громады,

а голос мой двухсотэтажный —

гремит нещадною армадой.

но только не смотри за мою спину,
ибо- то знает Заратустра,
что сколько ни тяни резину,
а в кулаке у меня- пусто.

To Friend.

эфирный , сегодня ты внемлешь мне?
я сильно сомневаюсь в этом:
ты столько слышал о бледной луне,
о звездных ночах и закатах летом,
что, верно, должен был устать
от всех тех вещей, что они говорили,
порвать все книги и даже тетрадь,
в которой тебе посвящаю стихи я.

я знаю, тебе давно надоели поля.
мне — до мурашек надоели тоже.
леса, проклятая зелень, текущие тополя —
по мне, все то с Гееной схоже.

мне по вкусу скорее блеск витрин хромовых,
шумный пепел внутри площадей.
эй, зефирный, сколько можно витать в облаках пуховых?
ты спустись и взгляни на людей!

ты разве не видел вершины громад,
макушками небо цепляющих?
не слышал крики и гулов парад,
мятежно- живой, поражающий?

ты выковал прошлые годы зимой,
греясь в кузнице жарко- мутной.
теперь пришло время эпохи иной
эфирный, любуйся — век ртутный!

порох ночи сегодня сиз
я оставлю тебя на съеденье
жару когтя и копоты лис
как последнее моря виденье
я оставлю тебя утопать в вязкой саже
звериных туманов
и в смирении вечно искать ключ от тысяч дверей под дурманом
это время часов и зеркал
разливается шепот в опаске
ты в руках прячешь жженный накал
и мнешь в ступке размеренно-вязкий
временной полунисий поток
в гущу ржавой земли центрифуги
разбиваешь медвяный желток
с неба катятся ноты и руки
не вошедшие в пьесы и фуги
что нам в сумерках звучно поет
за лесами прячься в испуге
в хрупкий тон озорник- кукловод

я забываюсь глаза закрывая
и удаляюсь на тыщи шагов
я завываю
я забываю
тебя и твой город под толщей оков

тысячи статуй ветров и вагонов
булошных свет
и тюльпанов бутоны
выстелют мне дорогу до дома
из города там где меня больше нет
я растеряю и позабуду
хмурую осень ржавые трубы
битой посуды
затравленный бой
и больше отчаянно рваться не буду
через сотни галактик на крыльях Гаруды
на долгожданные встречи с тобой

я обрету себя в одночасье
через листовы гул и тонны ненастья
через картины и мелкие счастья-
даже частички - пусть будет так
я не сбегу при виде напастей
буду рычать своей львиною пастью
смело сигать прямо в сонмы пропастей
чтоб ощущался во мне жизни такт.

О прогулках Лисы Зоровой и Володи Маяковского.

распаянный и ломкий, я вышел на
подмосток безлюдных площадей:
мне в такт сердец ударил пропитый
перекресток.
все было очень просто:
раскаянный гул пестрый
меня перемыкал от кожи до костей.

оставленный и брошенный,

с лицом слезами скошенном,
через злобу переброшенном,
бродил я переулками по своре знойных дней.

разбитый и потерянный -
исполненный истерики,
скопившейся у темени,
пугающей мистерии
и темные моления
снующими тетерями.
поддернутое пылью
звонящее бессилье
сквозь дыма изобилие
ступало по вагонам и дальше наугад.
я устремлялся выше,
слезами меря крыши,
дошел до темной ниши -
и вышел в светлый ад

смотря глазами-звездами,
на том же перекрестке,
что весь белен известкой,
где был я
/день/
ночь назад -
стоял, как переросток
Владимир Маяковский,
стоял вниз направляя
свой острый сизый взгляд.

закутанные дымом, под шум москвы кадрили
сидели и курили

осадок сигарет.
потом через сонмы стыни
на патриаршьи плыли,
бежали, как дурные,
шли на обгон карет.

и на ограде пруда
играли флейты - трубы
ноктюрны и этюды
и пели о любви.

смеясь в глаза проходим,
мы были непохожи
на эти злые
рожи
что видели вдали.

кормили булкой уток.
и сонных проституток
с губ льющиеся звуки
процветшими пионами
баюкая цвели.

и я уснул случайно
летя на сотни чайных
безмерных и отчаянных
роз гордых неприкаянных
подальше от земли.

и вот сажу на кухне
потерянный и
тухлый

и чувствую как пухнет
мой странный темный
мозг.

а все-таки недурно -
встречать старых знакомых,
привычных до оскомин,
и чувствовать секунды, где ты не
Одинок.

14 ноября.

ревнивые горы поют в междуречье
тебя я не встречу
хоть смотрим навстречу
разносят в пыль титла ивану предтечи
мы порознь навечно
аминь
мы порознь навечно
касаясь предплечьем шагаем беспечно
ты так бесконечна я так бесконечна
тебе невозможно сегодня перечить
словесность калечит молчанье не лечит
тот козырь в твоём рукаве мною мечен
я знаю, как вылечить сотни увечий
а в голове скользят опечетки
заметные в речи заречные в чечи

и вижу за крыльями вымерзший вечер
вверх дном опрокинувший хрупкие плечи
но самый огромный всегда незамечен
глаза закрывая от дьявольской сечи
я сверху смотрю на ребристые свечи

что лепят из кубиков жаренных в печи

для одного святоши.

вера в мир - парадоксальна.

понимаешь, друг мой кроткий?

что же бьешься ты, стена,

и копаешься в обломках?

и в терпении нету смысла:

ты блуждаешь втихомолку,

кулаки сжимаешь только,

ну а в чем здесь толк, скажи мне?

нету толка?

нету толка.

пониманье — бесполезно,

ну, а к людям - то тем паче.

совесть — брэнно, мораль — тесно -

скучно, так или иначе.

гниль пощады, уголь тучи -

пыль седая милосердия..

ну, голубчик, мой голубчик,

разве ж то не лицемерно?

разве ж много чести в битве

за слова, за правду духа?

много ль света в той молитве,

что ты шепчешь мне на ухо?

в мире много ль ты меняешь, устремляясь на подмогу?

разрушая- созидаеть..

много, друг мой,
очень много.

на зажженный в ночи факел
бесы вылезут навстречу.
то не властно архимагам —
мы с тобою здесь навечно.

только это не преграда
для судьбы лихой преданья:
для свечи - тень есть отрада,
свет для тени - воздаянье.

друг мой, свет мой, сядь со мною.
протяни ладонь навстречу:
ты меня очеловечишь-
я тебя очеловечу.

под мерный треск свечей
на острых хвойных лапах
под топот ног
и под искристый запах
я в дом войду что больше не ничей

я буду облачен в без-весну шерсти серость
пальта
из выцветших чернил
немеренную смелость
и дерзость юности -
в разводах едкого платка

и тяжкий стук сапог о
хрупку половицу
рычащим громом в коридоре разразится
пробудет время ото сна
придет весна
моя весна

но то - совсем еще не скоро
а пока
я смажу голосом застывшие моторы
и стерты цепи ручника
тянущиеся к Аризоне
что века
будили сонную Аврору
на руках

из тонны вязи на щите Ахилла
под душны отсветы гирлянд
я острием до_перочинным
граню себе святой брильянт
я в дом войду - как deux ex machina

я медленно ставлю ногу на пятку
шагаю назад отдаляясь во мглу
бегу от себя и смотрю по порядку
на вещи что я превозмочь не смогу

вот монолит мне знакомый из детства
на тысячи швов разойдется от гроз

я вам не ровня- хоть одно тесто
правда, кто пекарь? вот главный вопрос

вижу я школы унылые классы
множество лет за истертой кормой
капля по капле рассол биомассы
банки в три литра наполнит зимой

к слову, зима здесь совсем бесконечна
серый и тонуций в копоти снег
целые снопы душевных увечий-
так забываешь, что есть человек

грустные скучные странные люди
сшитые из лоскутков и заплат
в голову бьют увертюры прелюдий
и тонны лекций моей alma mater

и растерявши себя как Ставрогин
молча беснуясь тяну мертвый груз
путаюсь в полах своей грязной тоги
то ли Антихрист я то ли Иисус

Весенним Лазарям

а я говорил что это
не вечно
и ты и я конечно
конечны
но значит конечно зима
чрез долгие годы декады
столетья
сраженная пулей и мразною

плетью
как уж воскресает
тысячелетья
восстанет из мертвых весна
солнцем поправши мёрзкие
смерти
ком отодвинет у горла и
петли
с неба свисавшие фламбергом
светлым
срежет единым ударом она

вот он - дамоклов меч над
главою
жаркими взглядами перед
тобою
лед разорвет над тягущей
водою
как разрывает тебя

мы умираем моя
дорогая
вздох изо льда грудь
покидает
но не увидев ни ада
ни рая
выполним догму христового завета:
в последний раз воскреснем под лето

воскреснем
под
лето

